

ПАТКИЧКЕ

ВУРШУ

SHYBYNTAY

shybyntay
Пятикнижие. Вирши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792576

ISBN 9785448504105

Аннотация

Эти вирши писались на протяжении 35 лет и постепенно сложились в пять книг: «Дневник Труссана Флайевича», «Патрица», «Шибин Тао», «уБОГое» и «Некроскоп». Которые, в свою очередь, вошли в один, иллюстрированной живописью художника Сакена Бектияра (KenVee), поэтический сборник «Пятикнижие».

Содержание

Дневник Труссана Флайевича	6
СЛЕПОЙ И НЕВИДИМКА	8
МОТИВ	9
ТУРЕЦКИЙ КОФЕ НА ПЕСКЕ	10
ХОЧУ ПОЦЕЛУЯ!	11
ОРГАЗМ	13
ЛИРИЧЕСКОЕ	14
СКЕС	16
ТЫ ПОМНИШЬ ЭТО ТОЖЕ	17
БЕЗ ПРИКРАС	18
ДОЖДЬ И ЛАМПА	21
SHUT DOWN	22
ПРИТОН	23
ТАНЦУЯ С ТОБОЙ	24
ПОДВЕНЕЦНАЯ	25
ПОДСНЕЖНИК	27
МАЯТНИК БОЛИ	28
АЛАЯ ПЕРЧАТКА	29
ПРЕОЧЕНЬ ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА ПРО ЛЮБОВЬ И БОГАТСТВА	30
БРУДЕРШАФТ	34
NB	35
АВЕ КАЛИГУЛА	38

НЕ КЕРН	39
ТЕНЬ	40
ЛЮБИМОЙ АНГЛИЧАНКЕ	42
ТАК БУДЕТ!	43
ДЛЯ НЕЕ	44
Ь	46
АНГЕЛ И ДЕМОН	47
ПОРТРЕТ	49
АРАБСКИЙ МАЛЬЧИК	51
ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗБОЯ	53
ГРАЦИЯ	55
ПОЙМИ, БЕДА	56
МОЯ ПОТЕРЯ	57
ГОЛЫЙ ПОРШ	59
Патрица	60
СОЛЯРИС	61
ГАЛАКТИКА ВЛАСТИ	62
СПИРИТ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Пятикнижие Вирши

shybyntay

Иллюстратор Сакен Бектияр

© shybyntay, 2017

© Сакен Бектияр, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0410-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник Труссана Флайевича

СЛЕПОЙ И НЕВИДИМКА

Скажи, какого цвета твои глаза-печали?
Скажи, как твое имя, имя – нежный свет?
Скажи, пусть я услышу голос – эхо дали.
Скажи, пусть я заплачу, пусть я смогу прозреть!

Постой, как святы пальцы, отпрянувшие быстро!
Постой, не отступай же платья светлый вздох!
Постой, пьяна вуаль мне сиреневых духов!
Постой! Не уходи! Не исчезай! Вернись же...

Ушла. Пойду искать, опять искать и верить.
Ушла, оставив след – слепую бездну-тьму.
Ушла, но я найду, я отыщу твой берег!
Скажу тебе... нет, молча колени обниму.

МОТИВ

Живая музыка,
Всего один мотив,
В пустом кафе в РК,
Где гонят эксклюзив.
Ты, женщина, пока
Не пей аперитив,
Сыграем в дурака
И в дуру-палмалив.
Мы мыло-мексика,
Мы парадиз-наив,
Ты, женщина, пока
Не пей аперитив.
Два дула у виска:
Любовь и пара слив
Глаз детских и рука,
И ресторанный бриз.
Живая музыка,
Всего один мотив:
Ты, женщина, пока
Не пей аперитив.

ТУРЕЦКИЙ КОФЕ НА ПЕСКЕ

Турецкий кофе на песке
с глотком воды
не гуще в чашке-лепестке
судьбы волшебной снегом окон
кафешных с бликами TV
сквозь вавилоны караоке
о дымных локонах любви
красивых женщин этой ночи
для просто фраера от Бога
дороги горечи песочной
к глотку воды.

ХОЧУ ПОЦЕЛУЯ!

Хочу поцелуя...
Хочу – поцелую!

Брошу в зелёное дико нагую,
Пачкая белые плечи травой,
Царапая спину злой муравой,
Вбивая ягоды в ягодицы,
А губы в лицо,
Распаляя жар птицы,
Брошу в зелёное дико нагую!

Брошу в зелёном тихо нагую,
Лишь напоследок...
Еще поцелую!!!

ОРГАЗМ

Маэстро пушечного залпа!
Сердца смешались в ароматы
Сплетённых тел и смятых простынь,
Мгновением сверкнула калыпа,
Брахман застыл, забыв вопросы,
Любовь долбила автоматом
Без кислорода, падал волос
Со снятого со смерти скальпа,
Луна палила в поте вёсен
И мириады жгучих ос
Микроны кожи – в мёд, в засосы,
Рвя звездный ливень в цифру восемь,
В хаосы пушечного залпа!

ЛИРИЧЕСКОЕ

...там в зеркале светились пальцы охрой,
белела полоса потенциалом мошонки,
орала ночь
На профиль тонкий,
На эти милые черты,
до чертиков монетой звонкой
надоедала вам капель,
достала! – грузовик щебенки,
а я испачкал вам постель.
Вы – три Сапфо
и зеркало вам ужин,
Вам вор треклятый красоты души,
и Вам сейчас лишь нужник нужен,
ЛЮБИМАЯ, как ни пиши...

L. B. 1900
Dana & Carter

СКЕС

Я не люблю, когда тебя...
Я не люблю свои оргазмы,
Когда ты вся, как холод плазмы,
Когда есть рифма «разлюбя»!
Ломая Библии каноны,
Я Змея по-китайски ем.
Ах, что мне порванные лона —
Хорею ямбы между тем.
Любовь и кровь – юдоль пиита,
А Нелюбовь – его мечта!
Испитый, битый и забытый,
И в ног твоих СИЗО закрытый,
Я думал: Та?!
Та? Та?
Не Та.

ТЫ ПОМНИШЬ ЭТО ТОЖЕ

Стихает стих и в деревянный макинтош,
В карман кладут улыбку, пару роз,
И к вороту пришилив махаона
Серебряной булавкою, идут:
суды, дожди, года, секунды-секунданты,
дрожащий Данте и Кортес,
бежит за синим поршем лес...
Тот лес мимоз и деревянный мост,
Ты помнишь это тоже.

БЕЗ ПРИКРАС

Дождь смыл все краски.
Дождь размазал тушь.
Цветное стало черно-белым
и просто черным без прикрас.
А город превратился в слух,
ведь он ослеп, когда погас.
И дом во тьме. Часы стучат
мелодию ночных проспектов,
где только дождь и светофоры.
Вполоборота у окна
ты замерла в прозрачной шали,
и черная пустая ветка
вдруг отражается тобою
там за стеклом и там в ночи.
И что-то говоришь ты мне,
бессвязно, скучно, ни о чем,
и с нетерпеньем ждешь рассвета,
и первого троллейбуса
в беспмятную жизнь свою.
Не согревает шаль. Плечо
ты укрываешь снова, снова.
И дом во тьме. Часы стучат
мелодию ночных проспектов,
пустынных, гулких, черно-белых
и просто черных без прикрас,

весь город превратился в слух,
ведь он ослеп, когда погас.

ДОЖДЬ И ЛАМПА

Он смотрит в окна.
Он предвидит ложь.
Он плачет сторбленный и злой.
Он дождь.
Ночной, послушный дождь —
Несуществующий,
Но мой.

Она вся в зеркале.
Она вся в белой шали.
Она глядит, усмешку затая.
Она есть лампа,
Сплав холодной стали,
Стекла и света —
Да, она твоя.

Мне снова не уснуть
Под мой холодный дождь:
Она танцует в зеркале,
Она зовет! Я слеп...
Иду, сажусь за стол,
Творю из боли ложь,
Святую ложь! А ты...
Скажи за окна: Нет.

SHUT DOWN

Нам предлагали хеппи-энд,
Но, уходя из Рая,
С тобою мы нажали end,
Всю нашу силу зная.
Перезагрузки уже нет!
Ты – женщина,
А я – мужчина.
Прощай божественный инет,
Зависшая машина!
Забудем окна в чёртов web,
Три дабла парадиза,
Съедим неvirtуальный хлеб
И скинем наши ризы.
Реально все, забудь delete,
Ведь мы ушли из Рая!
Перезагрузки больше нет,
И только ты – Святая.

ПРИТОН

Мое сердце давно опустевший притон.
Скрипучая дверь уж забыла свой тон,
Когда сквозь нее вышибали Мечту,
Пьяную, пьяную – вон!

Мое сердце давно опустевший притон.
Колокольчик над дверью забыл ржавый звон,
Под который, шатаясь, вышла Надежда,
Пьяная, пьяная – вон.

Мое сердце давно опустевший притон.
Паутиной в углах наркотический сон
Моей юной Любви, что ушла продаватьсь,
Пьяная, пьяная – вон.

Мое сердце давно опустевший притон.
Мелкий дождик летит из разбитых окон,
Где сидит одиноко за шатким столом,
За последним стаканом пьяная Вера,
Пьяная, пьяная – вон.

ТАНЦУЯ С ТОБОЙ

Вот невесомость светлых рук
Ложиться медленно на плечи,
Во мне все боли мои лечит,
Кроме одной, то боль разлук,
То боль, что жизнь коротка,
Что танец этот длится мало,
И упадет с плеча рука,
Не чувствуя, как тяжелее стала
От непокоя неудач,
От одиночества и грусти
Лечи меня мой нежный врач,
Но руки вдруг меня отпустят,
И невесомость светлых рук
Уже не ляжет мне на плечи,
Но боли все вдруг станут легче,
Кроме одной, то боль разлук.

ПОДВЕНЕЦНАЯ

Сквозь сырости канала сесть
В гондолу кормчего понуро...
И вдруг испить из слез амура
Вино, и в окияны гресть
Сквозь счастья струи лазури,
И челн покинув, под венец
Венецию свою повесть
От Санта-Кроче в Дорсодуро!

ПОДСНЕЖНИК

Девочка моя в джинсах цвета хаки,
девочка моя в майке-алкоголичке,
тебя бесят фрики, тебя бесят «факи»,
комменты и смайлики, форумы и лички,
тебя бесят «чмоки», «оки», «поки», «чики»,
«хочешь подружиться», «кадела», «приветики»
– тянут взгляд за окна монитора блики,
тянут взгляд за окна солнца-сердца светики:
где же ты, мой мальчик, в кедах перепачканных,
где же ты, мой мальчик, с мартовским подснежником,
где же ты реальность? – ах, другою скачана:
вон ее тот мальчик обнимает нежно...

МАЯТНИК БОЛИ

Уходя, обещаю вернуться,
Приходя, угрожаю уйти...
И бессонно мечтаю проснуться,
И безумно – с ума не сойти!

АЛАЯ ПЕРЧАТКА

Любовь как алая перчатка, оставленная на снегу,
В сетчатке глаз твой силуэт и моя боль идут в загул,
Обнявшись, хохоча, играя в ноль и крест, и есмь аз,
А с неба перст, опять толкающий друг в друга нас.
Но он как белая перчатка, оставленная на снегу...
В сетчатке глаз твой силуэт и моя боль идут в загул.

ПРЕОЧЕНЬ ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА ПРО ЛЮБОВЬ И БОГАТСТВА

Из паутинки длинною в экватор
ей шили фату,
ей шили фату,
Земля размоталась клубком сизой ваты,
лучась на лету,
лучась на лету.

Из принца же делали звёздного франта,
поставив на стул,
поставив на стул,
В камзоле сверкали семь лунных брильянтов,
лучась на свету,
лучась на свету.

*Пажи в звездолёте надели колготы.
Блик плазмы снежинки искрил на капоте,
Никто не считал их число и караты,
И кто во вселенной всех более знатен,
Все были счастливы и богом богаты!
Когда-то так было...
Так было когда-то!*

Но вдруг уколола принцессу иголка,

случилась беда,
случилась беда,
И ножка у стула вдруг треснула громко,
упала звезда,
упала звезда.

Вошёл генерал в золотой треуголке,
оружьем звеня,
оружьем звеня,
Из чёрной дыры вышли злобные волки,
случилась война,
случилась война.

Пажи в звездолёте построились в роты.
Планеты летели на маршевой ноте,
Навстречу им мчались крылатые волки,
Вселенную рвали на сотни осколков
Из зависти, ревности и кривотолков!
Всё стало постольку...
Постольку—поскольку!

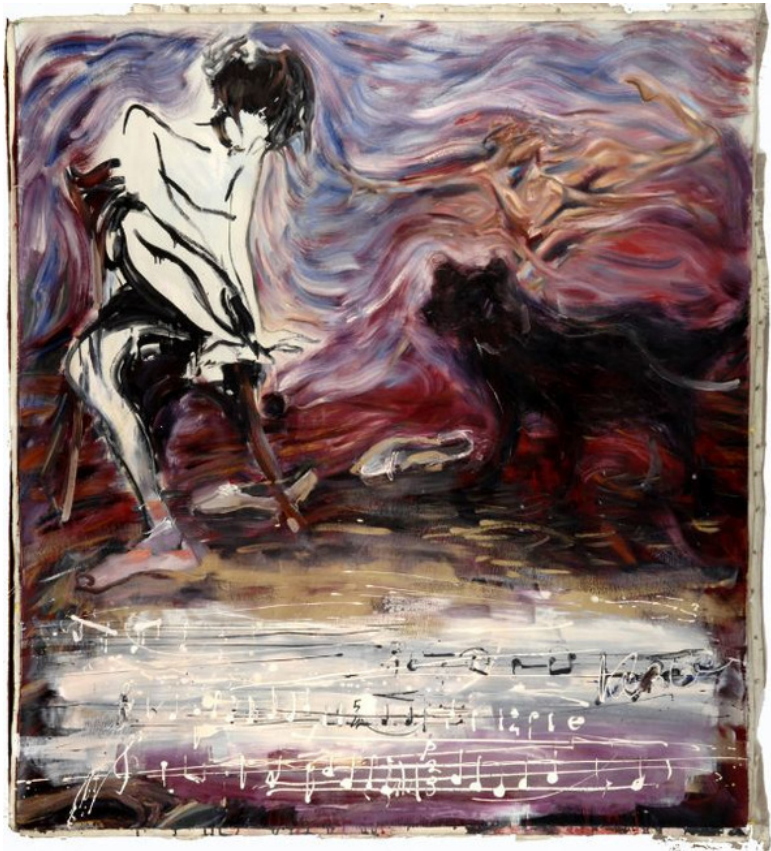
Из шёлковой ткани расцветки «экватор»
ей взяли фату,
ей взяли фату,
Земля утонула в клубке дымной ваты,
попав в суету,
попав в суету.

Из парня же сделали полного франта,

поставив на стул,
поставив на стул,
В костюме блестяли из бархата канты
и тама, и тут,
и тама, и тут.

*Дружки в лимузине с шампанским бузили.
Шлейф дыма отсчитывал литры бензина,
В гостиной теснились, считали караты
И кто на районе всех более знатен,
Пусть богом бедны, но чертовски богаты!
Забыли как было...
Как было когда-то!*

Из паутинки длинною в экватор
ей шили фату,
шили фату...

БРУДЕРШАФТ

Глоток дымка из трубки запил морозом
Ушедший в холода из лета,
Где лунный диск метаморфозы,
Как стотеньговая монета,
И губки юной проститутки всегда тверёзы,
А брудершафт – скорей, тенета...
«Читатель ждет уж рифмы «розы»,
Да он уж пьян дымком из трубки.

NB

1

NB!

Такую потерять, не обрета?

Невольно хочешь верить

В перерождений цепь:

А вдруг получится в 14-й жизни,

Когда еще только летя

На белый, белый, белый, белый свет

Навстречу вдоху первому,

Уверен:

NB в соседней колыбели!

А ты – разумное дитя.

2

Подброшу-ка в тебя еще кусочек сердца!

Ты так горишь, что ворожишь

Теньями и сиянием в глазах,

Искрою откровения, что жизнь —

Всего лишь танец мотылька

И все равно в костер слетишь,

Сказав себе: пока-пока...

3

Утопаю!
Спаси мою душу!
Брось мне каменный круг!
А лучше
Золотое кольцо своих рук.
Иль разок поцелуй это пламя,
Из которого только губами
Я тянусь навстречу тебе...
Утопаю! Спаси, Nb!

4

Ты – №3 в своем отказе.
Я в третий раз смертельно болен.
С надеждой на лекарство подошёл
И снова умер. Старая надежда
за шиворот схватила
И оттащила мой скелет подальше
От места выстрела,
И бросила в мой долг.
Я дёргаюсь в его разрядах —
Все говорят: кипучий человек!
А в клетке, клеточке грудной
Сидят три пули и бренчат,
Когда болею я ночами:
– №1 была богиня!
– И №2 была богиня!
– И №3 явилась ею!

...Боюсь, что через годы
В последний раз еще ударишь,
А ведь надежда не поднимет
И разрядится долг.

АВЕ КАЛИГУЛА

Пламя памяти и мимикрия меты,
Храм Порно в формуле «мужен»,
«Аве Калигула» на аверсе монеты:
Еще не план, но плен уже.

НЕ КЕРН

Из чащи шёпотом рыданий
Пугливые выходят лани,
С ладони крошечки признаний
Шершавыми берут губами.

И силуэтами за ними
Всполохами свечи миганье!
Быть может лик, быть может имя,
Быть может сна предначертанье?

Так вы мне грезитесь в беззвездье,
Звучите в струнах дождь-минор,
Стою пред чашею подъезда
И Бог – секунды каждой вор!

ТЕНЬ

Чернеют великаны тополя,
Они уже как я не юны.
Бездумно бродит тень моя
В бессменном траурном костюме.
Опять провально темны сны,
Опять как бесконечность миг,
Предчувствую приход зимы
И вижу темный снежный лик,
Гляжусь в глухие зеркала,
Ищу свои глухие думы,
Молчу. И песни кружева
Печалью задевают струны...

ЛЮБИМОЙ АНГЛИЧАНКЕ

Лежать больным, похмельным ночью,
Мечтать о молоке
И забиваться в многоточья,
И забываться вдалеке,
Писать впотьмах:
«Хотелось писать...»,
Собаку гладить по загривку,
Телепатировать и плизать
Любимой англичанке.

ТАК БУДЕТ!

В объятьях сжать и впиться в губы,
И в дерзновенной сладкой силе
Безумным быть, и нежно грубым,
Чтоб никогда уж не простили
Твои смятенные глаза,
Твои отброшенные руки...
Так было много лет назад,
И через много лет – так будет!

ДЛЯ НЕЕ

Рассвет следит спиной сутулой дворничихи,
На каждый мах шурша соломой кисти,
На каждый шаг стуча в картон лиловый улиц,
И оживает чья-то птица,
И оживает чей-то кар,
Глуша две строчки чьих-то песен,
Застрявших в междуушье с прошлой жизни,
Сон Брахмана влетает в «молокооо!»,
Ребенком груди рвет мобильник,
Лишь проститутка спит счастливо,
Ведь это утро для Нее!

Ь

город нагородил дома
мычат машины
горе от ума
суспензия
он будет жить
он брызжет
он визжит
сердечной мышцей
баражит
трехъярусный мираж
в вечернем небе
высший пилотаж!
Давайте жить!
Все белой нитью шить!
Опять грешить на мягком знаке...
О, Генуя и серенады!

АНГЕЛ И ДЕМОН

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Ангела, падшего в небо,
Сотканное из дождя,
Обнял крылами Демон:
Любовью оскорбить нельзя.
Обнял и целовал
Слезы небесных глаз,
Плача, сквозь завесу звал:
Боже, прости нас!
Болью запретной страсти
Ангел смертельно нежился,
Вспыхнув печальным счастьем:
Господи, а ведь не жил я...
Демон же рвался в дождь,
Исполосован кометой,
Падал в червонную рожь:
Мать Пресвятая, и где ты?!
Молнии били крылья,
Рвала объятья гроза,
Не было «ты» или «иль я»,
Не было «это нельзя».
Знаешь, лучистая Дева,
Мы выбираем Свет!
Ангелы падают в небо...

Демоны падают вслед.

ПОРТРЕТ

Я подошел к окну. Вообразил:
Летающий свет... узоры света,
Овал лица, орнамент губ,
Рисунок глаз, штрихи портрета.
Мазнул вокруг сиренью робко,
Фон освежил дождём холодным,
Чтоб оттенял он драпировку —
Мои горячие ладони.
Добавил снега, звёзд и ветра
И море набросал вдали...
Но прятался ещё в портрете
Незавершённый где-то штрих.
Он где-то требовал рожденья,
Лишая жизни всю картину,
Внося кривые приближенья
Всё разметающей лавины.
И я решая сжёт глаза,
Смотря недвижно и бессонно,
То отходил на шаг назад,
То приближался напряжённо...
И вдруг в каком-то ярком стоне
Я понял: жизнь — в поцелуе!
И бросился...
В стеклянном звоне
Я вылетел на мостовую.

АРАБСКИЙ МАЛЬЧИК

Картинка с французским псом
в искусственном SIMs игры с красным яблоком
даёт мир диванов цветных,
совсем не вбирающих запахи женского клуба
и кофе из медных кувшинов твоих анимаций
стамбульским якобы ящи...
kom a luu ger, голая Гофа,
дай мне себя без металлики цвета белья
в ракурсе столиков стойкой развёрстой
или займи на картинку с собакой,
желающей сняться со стенки тебе же в подарок
к нашей гламурной любви,
раскаленной песком, закипающим в горсти
с джокером Таго!

ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗБОЯ

Фадиез Мажора

стояли мы с тобой на кассе
у тинто брасса старый шмайсер
под телогрейкою потел
а ты кастет с дюймовым болтом
в кармане курточки зажала
в зрачках я видел как дрожала
опять мы вышли на разбой!
один охранник шевельнулся
как сразу же переобулся
ты была просто хорошо!
а тинто брасс шмальнул по лампам
и началась огнями рампа
мы танцевали на любовь
гребли какие-то денжищи
орали типа тише мыши
я обнимал тебя и запах
твоей был кожи хорошо!
ты хохотала без умолку
а тинто брасс нашел двустволку
за сейфом и разбил горшок
и тут динамой я включился
я понял что-то тут нечисто
и потащил тебя к дверям

а там стояли фараоны
и били против всех законов
из калашей по декабрям!
и тинто брас упал с улета
бомбили просто з кулемета
и по своим и по чужим
а ты кастет с дюймовым болтом
в кармане курточки зажала
в зрачках я видел как дрожала
опять мы вышли на разбой!
и я сказал одна малина
и тут ударили мне в спину
летели деньги по стенам
а ты сказала ничего
я обнимал тебя и запах
твоей был кожи хорошо
ты хохотала без умолку
когда нас били били волки!

ГРАЦИЯ

Она стояла на углу под вывеской «Фармация».
Рядом кто-то парканул Toyota Gracia
– старая тачка вся в деформациях...
А ведь была она когда-то точно Грация!
И ею обладал кто-то счастливый,
Мчался в небеса без шума и пыли,
Сверкал хром, подмигивали фары...
Да только он сейчас тоже ведь старый.

ПОЙМИ, БЕДА

Я только тиражирую беду,
Она повсюду... Да, она повсюду!
Она мне говорит: тебя найду
И мы с тобою предадимся блуду!

Я только тиражирую беду,
Когда она кричит: дас ист фантастиш!
Я вуду исповедую – в вуду
Акула я в чертовской пасти!

...однако же себя повсюду я найду
И бог на время позабудет ластик,
Я сам сотру «хау ду ю ду ю ду» —
Пойми, беда: мы рождены для счастья!

МОЯ ПОТЕРЯ

Жжёт сердце боль!
Безумными аккордами
Во мне жестоко и упорно
Звучит восставшая Любовь
В слезах отчаяния гордая!
Захвачен в круг:
Люблю и верю!
Пройду сквозь тьму
К заветной двери
И в алом переплетье выюг
Найду Тебя – мою Потерю!

ГОЛЫЙ ПОРШ

...картинки на экране,
Где все ушедшие еще живы,
Зачем я этой болью ранен
И мертвецом иду на Вы?!
Смотрю в ушедшие глаза
И сквозь музыку рок-н-ролла
Даю безумно по газам
И мчусь на порше вечно голым!
Зачем? – вопрос интеллигента,
Зачем? – вопрос для дурака
Пока крутИтся кинолента
И живы эти все «пока»...
После Шекспира вряд ли новым
Я покажусь и это горше.
Но – наплевать, ведь я: I love
И мчусь в Неведомо на порше!

Патрица

СОЛЯРИС

- Кому нужен дождь в глубине океана?
- Тому, кто не ведает правил игры.

ГАЛАКТИКА ВЛАСТИ

У всех есть тайная жизнь,
О ней не знает никто:
Как коптер во сне баражит
Die Freude фейсбучным постом,
Снимает грешки в инстаграм
Неведомой чёрной дыры
И срамом залеченных ран
Толкает в объятья миры...
Там, спрятавшись в дикую тьму,
Пещерами бродим и счастье
Боится в интимное пнуть,
Исполнив галактикой власти.

СПИРИТ

Последний рыцарь, гуру предпоследний
Любили поболтать о том и сём.
Толкалась звёздная форель в беседе,
А под беседкой никнул чернозём...

Но звёзды брызнули однажды каруселью,
Так гордый рыцарь рухнул под мечом,
Наточенным плечистым палачом,
Где чёрный люд толкался навеселе,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.